

Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «...жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно...». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды...».

Однажды в машине

С трех лет я жил у бабушки. Моему отцу по долгу службы пришлось переехать в Сирию. Женам предоставлялось право быть рядом, но перевозить с собой детей было категорически запрещено. В ту пору в нашей стране в магазинах на пустых прилавках фигурно раскладывали банки с рыбными консервами, сливочное масло продавали по двести грамм в одни руки, а колбаса «Любительская» была только по праздникам. Перспектива увидеть другую страну, окунуться в мир изобилия, заработать по тем временам неплохие деньги подтолкнула родителей принять правильное решение. Несмотря на свой юный возраст, я до сих пор помню, как плакал в аэропорту при расставании. Мне тогда стало страшно оттого, что никогда больше не увижу родителей. Но папа объяснил, что теперь я назначен главным помощником и отважным защитником бабушки, поэтому не имею права плакать, поскольку настоящие мужчины не плачут. Я пообещал, что больше никогда не стану этого делать. Как бы сложно ни складывалась моя дальнейшая жизнь, с тех пор мои слезы были только от сильного ветра...

Бабушка трепетно заботилась обо мне и все же находила время для ухода за своей внешностью. Мою бабушку Марию Михайловну бабушкой вообще назвать было сложно. Каждое утро она укладывала свои густые длинные каштановые волосы в красивый пучок, наносила легкий макияж, перед выходом надевала красивые со вкусом подобранные вещи. Я не помню, чтобы она выходила из себя, когда-нибудь кричала, но если появлялась острая необходимость в воспитании юного упрямого внука, Мария Михайловна без труда вспоминала сорокалетние учительские навыки и ледяным, лишенным всякой нежности тоном приводила своего маленького шалопая в чувство. Иногда мне казалось, что лучше, если бы она кричала или просто врезала подзатыльник, потому что ее тон выдержать было очень сложно. По выходным бабушка покупала мне сладкую вату, рассказывала истории из своего военного голодного детства. Как познакомилась с моим дедушкой, который умер к моменту моего рождения.

Каким был мой папа, когда был маленьким.

Хорошо помню ароматы мяты и шиповника, которые мы с бабушкой растили в палисаднике возле дома для заваривания чая, хруст идеально накрахмаленного белого постельного белья, простой интерьер и великолепные хрустальные бокалы в старом серванте. На Новый год бабушка ставила на стол красивую посуду и обязательно наливала мне в бокал газировку «Буратино» – она очень напоминала шампанское. Под бой курантов я выпивал его до дна и загадывал лишь одно желание: чтобы родители поскорей вернулись. Время шло, а желание все не исполнялось, раз в месяц приходили письма, иногда посылки, битком набитые деликатесами. В ответ мы отправляли наше фото, сделанное в ателье, вместе со своими письмами. Постепенно я стал забывать голоса своих родителей, но однажды услышав их, записанные на бобинную ленту катушечного магнитофона, присланную нам в очередной посылке, понял, что забыть голоса любимых людей невозможно. Мама рассказывала про обезьяну, которая жила рядом с воинской частью и не давала покоя женщинам. Похоже, обезьяна тоже была девочкой, поэтому ревновала каждую особь женского пола к любому мужчине. Однажды она спасла папу от ядовитой змеи. Поэтому спасительницу приходилось терпеть. На магнитофонной пленке было слышно, как родители вместе пели несколько песен, а в конце говорили, как сильно меня любят...

Снова и снова я прослушивал эту запись. Иногда злился, что они бросили меня, иногда страдал оттого, что не могу их обнять, но чаще просто сильно скучал. Как только моя тоска становилась невыносимой, я начинал серьезно болеть. Родителям бабушка никогда не писала о моих недугах, но мне хотелось, чтобы мама с папой знали, как сильно я нуждаюсь в их тепле.

Когда мне едва исполнилось семь лет, я решил поухаживать за бабушкой, сделать ей сюрприз и налить чай из металлического чайника со свистком, который мы кипятили на плите. Бабуля была в гостиной и не предполагала, что я задумал. Встав на носочки, я схватил ручку чайника, которая оказалась очень горячей, а чайник тяжелым. Поставить на место эту раскаленную посудину я не смог и обварился кипятком. Бабушка прибежала на мой крик. Никогда прежде я не видел ее такой перепуганной. Она резко сдернула с меня футболку и рейтузы, от боли я потерял сознание. На внутренней части моей одежды остался слой обваренной кожи. Спустя много лет я узнал, что при ожогах снимать одежду категорически нельзя, но разве можно все и всегда знать в нужное время.

Очнулся я в больнице. Рядом со мной сидела мама, она была такая красивая и молодая.

Я улыбнулся и сказал, что безумно соскучился, а она заплакала. Лишь через мгновение я окончательно понял, что она по-настоящему приехала ко мне. Все мое тело нестерпимо болело. Неожуженной рукой я откинул одеяло и увидел, что забинтован от груди до талии, ноги тоже были в бинтах. Мама рассказала, что сразу приехала, как только узнала о случившемся. Ей позволили досрочно покинуть часть, но папе придется дослужить до конца срока контракта, который завершится через семь месяцев.

Мне сделали в общей сложности двенадцать операций по пересадке кожи. Самым страшным были перевязки. Бинты прежде отмачивали в какой-то жирной гадости, но когда их снимали, все равно было больно так, будто с ними слезала живая кожа. Вспоминая папины слова, я никогда не плакал. Сжимал губы и маленькие кулачки, закрывал глаза, но не проронил ни одной слезинки, за что получил в больнице прозвище «стойкий оловянный солдатик». Когда приходила мама, моя палата становилась светлее и уютнее. Иногда мне даже хотелось поблагодарить этот проклятый чайник с кипятком, ведь мама наконец-то вернулась. Время шло. Раны мои заживали. Впереди меня ожидало еще одно счастливое событие – возвращение папы.

Несмотря на неплохую динамику в процессе выздоровления в аэропорт меня привезли на инвалидной коляске. Кожа на ногах заживала очень медленно, поэтому врачи временно запретили ходить. В целом чувствовал я себя хорошо. Моя душа пела, ведь возвращался мой долгожданный папа. Когда отец увидел меня, на его глазах выступили слезы. Он украдкой смахнул их рукой. Потом заплакала мама, захлюпала бабуля. Вот так мы оказались среди огромного зала ожидания вчетвером: две плачущие женщины, ребенок на инвалидной коляске и взрослый мужчина в нелепом поклоне обнявший меня – счастливые и несчастные одновременно.

С тех пор прошло много лет. Раны давно зажили, оставив некрасивые следы на теле, но природа оказалась милосердной, покрыв мой торс и ноги густыми волосами, превратив меня в стопроцентного брутала. Окончив институт, я решил остаться жить в родном городе и смог устроиться по профессии на судоремонтный завод. С девчонками мне как-то не везло. Одноклассница – первая любовь, после школы уехала с родителями жить в другой город. Мы долго переписывались. Все угасло само собой. Институтская привязанность закончилась обыденным расставанием из-за мелких раздоров. Девушки легко входили в мою жизнь и так же легко из нее уходили. Поэтому к своим двадцати пяти я решил посвятить себя любимому делу, карьерному росту, не подозревая, что однажды одна очень красивая брюнетка сможет завладеть моим сердцем навсегда.

Мы познакомились на вечеринке у друзей. Я сразу обратил внимание на грустную молодую девушку, которая сидела на подоконнике в гостиной и маленьким пальчиком рисовала сердце на окне, подышав прежде на стекло. Она приходилась сестрой коллеге по работе. Мы обменялись дежурными любезностями, выяснилось, что грустную незнакомку звали Майя. Девушка оказалась дипломированным кардиологом. Когда шумная компания совсем разгулялась, я предложил Майе прогуляться. Во время прогулки она рассказывала о потрясающих способностях нашего сердца, о реальном «синдроме разбитого сердца», или кардиомиопатии такоцубо, это когда люди испытывают сильный стресс, который как бы разбивает сердце на части. Я рассказывал о сердцах кораблей, которые видел, чинил или проектировал. После нескольких свиданий мы вдруг поняли как нам хорошо вдвоем. Поэтому мы не стали терять время даром.

Через полгода мы поженились. Еще через год у нас родился сынок Слава. А через четыре мне предложили сотрудничество с перспективной судостроительной фирмой крупного города в другой части нашей страны. Срок контракта составлял три года, сумма контракта была головокружительной. Родители и бабуля были против моего отъезда, только жена спокойно и рассудительно сказала, как сильно любит меня и хочет, чтобы я стал успешным человеком. Предложение было столь заманчивым, что я согласился.

Через месяц моего пребывания в чужом городе я почувствовал давно забытое ощущение тоски, только без детской обиды. Майя снилась каждую ночь, в каждом ребенке я видел своего Славика, который уже пошел в детский сад. Через три месяца я окончательно разболелся. Майя, почувствовав мою тоску, оставив малыша на неделю с бабулями, приехала ко мне погостить. Мы набросились друг на друга, как голодные звери. Ночью я не мог отпустить ее из своих объятий, боялся, что этот сон исчезнет. Днем брал ее с собой на работу, чтобы не расставаться ни на минуту. Приезд Майи прибавил мне сил, но через полгода на меня снова напала хандра. Взяв небольшой отпуск, я отправился домой. В аэропорту собралась почти вся моя семья. Отец выделялся среди толпы безупречной военной выправкой и седой шевелюрой. Он стоял рядом с инвалидной коляской, на которой сидела моя мама. Она перенесла сердечный приступ, и если бы не оперативная помощь моего любимого врача, последствия могли быть непоправимыми. Мы все расцеловались. Женщины расплакались. Майя сказала, что накрыла на стол, нужно лишь забрать Славика из детского сада.

Отец повез маму сразу домой, а мы, взяв такси, отправились за сыночком. В группу я отправился один. На маленьком стульчике сидел мой четырехлетний малыш. Рядом с ним находились еще двое таких же темноволосых мальчугана. Несмотря на то, что Майя регулярно присылала мне фото, мой Славик сильно изменился с тех пор, как я его видел вживую. «Сынок!» – крикнул я. «Папа приехал!» – вскинув руки к небу,

воскликнул мальчишечка. Когда мы обнялись, впервые за последний год я почувствовал, как слезы подступили к моим глазам. Славик показал свой шкафчик, я помог ему быстро одеться, и мы побежали в машину. Сына я отдал жене, а сам сел рядом с водителем. Как только я расположился на сиденье, Майя вдруг сказала, что это не наш сын, и из сада я забрал не того ребенка. В моем сердце все оборвалось. Как я мог перепутать? Водителю бросил: «Разворачивайтесь!» Холодный пот выступил у меня на лбу. Я вспомнил себя, когда ждал родителей у окна детского сада, как боялся, что меня не заберут, и вдруг сам оставил своего сына....

Когда я обернулся, чтобы еще раз взглянуть на мальчишечку, Майя убрала руку ото рта и стала смеяться. «Родной, не волнуйся, у тебя такое перепуганное лицо, я пошутила, это наш ребенок, просто, оказывается, очень плохо, когда ребенок растет вдали от отца, не было дня, чтобы я не жалела о том, что отпустила тебя от нас».

В кругу семьи я в красках рассказал, как Майя пошутила надо мной. Мы все грустно посмеялись. Мой мудрый отец спокойно резюмировал: «А как еще она бы тебе объяснила, что сына должен растить отец». «Кто бы говорил», – подумалось мне тогда.

После окончания небольшого отпуска я расторг контракт, вернулся домой и сразу устроился на работу. Славик рос шепутным мальчишкой, но я безумно счастлив, что все его ссадины лечил сам и жил его жизнью. Ребенок должен купаться в любви родителей и знать, что его любят. Иначе мы рискуем получить кардиомиопатию такоцубо...

Ариша ЗИМА